

Московский
Детектив

Евгения МИХАЙЛОВА

КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ В АДУ

Москва
2019

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
М69

Оформление серии *А. Дурасова*

Михайлова, Евгения.

М69 Как свежи были розы в аду : [роман] / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Московский детектив).

ISBN 978–5–04–100131–5

Вот Валентина и дома. В огромной московской квартире, где она видела только страдания, ненависть и страх. Даже там, откуда она вернулась, ей не было так больно... Адвокат Петров заинтересовался этим необычным делом — в убийстве Надежды Ветлицкой, вдовы известного поэта и художника, обвинили ее племянницу, месяц назад освободившуюся из заключения. Однажды он помог Валентине и теперь чувствовал себя ответственным за ее судьбу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-100131-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все события
и действующие лица романа
вымышленные.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Она бездумно и растерянно шла вдоль проезжей части московской улицы. Обычной улицы, а не двора женской колонии. Все было слишком ярким и нереальным, как во сне. Она даже не могла выделить, рассмотреть отдельных людей во встречном потоке, который казался ей каким-то карнавалом. И вдруг на нее налетела бегущая девушка, извинилась, отпрянула, пошла дальше, они обе одновременно оглянулись. Валентина прочла во взгляде незнакомки то ли удивление, то ли отвращение. А сама наконец увидела, что девушка — в легком коротком платье, в туфлях на шпильках, что у нее красиво лежат светлые блестящие волосы. Она посмотрела по сторонам: все были одеты по-летнему в этот необычно жаркий день начала мая. И лишь она, Валя, брела в грубой и бесформенной куртке, в вязаной шапке на голове, с рюкзаком на плече. Она остановилась, шершавой ладонью провела по взмокшему лбу. Колючий свитер под курткой кусал потное тело,

голова под шапкой зачесалась. Валентина сдернула ее, и солнце сразу прильнуло к коротко стриженным влажным волосам. Она расстегнула куртку, слишком резко подняла голову к солнцу и чуть не потеряла сознание. Ее ослепил простор неба, оглушил гул города, наверное, это был приобретенный страх открытого пространства.

— Вам плохо? — раздался рядом мужской голос.

Валя в смятении посмотрела в светлые глаза стройного человека с необычными серебряными волосами. То ли блондин, то ли седой, хотя лицо молодое. В его глазах действительно сочувствие? Забота о ней? Ей пришлось очень крепко сжать зубы, чтобы не заплакать, не вылить на первого встречного свое горе, не поделиться своей бедной радостью.

— Наверное, мне хорошо, — сумела вымолвить она. — Ну вот так мне хорошо...

— Понял, — кивнул мужчина. — Могу я чем-то помочь, чтобы вам стало еще лучше?

— Спасибо. Я сама. Я как раз собиралась такси поймать.

Он быстро окинул ее взглядом и направился к обочине.

— Пойдите, — обернулся он. — Я сейчас поймаю вам машину.

Валя прислонилась к какой-то палатке. Ну вот. Она столько ночей призывала везение, и оно пришло. Этот

человек понял, что такое чучело никто не повезет. А он — красивый, в элегантном сером костюме, сейчас подгонит к ней авто. К ней, Вальке—зачке, как называли ее на зоне из—за привычки прятать бычки, кружку с недопитым чифирем. Они все думали — она от жадности. На самом деле она знала, как невыносимы минуты, когда кончается действие тюремного антидепрессанта. Ей голову хотелось разбить о стену в такие минуты.

— Пойдемте, — сказал ей незнакомец, дотронувшись до рукава. — Вот машина, ждет вас. Я заплатил водителю тысячу, этого хватит.

— Что вы! Заберите, у меня есть деньги!

— Пошли, — повернулся мужчина.

— Подождите, — сказала Валя. — А в чем дело? Вы что, решили сегодня нищим помогать? Так я совсем не нищая.

— Да нет, — улыбнулся он. — Это вообще не моя роль. Просто глаза у вас такие голубые... Наверно, вы из заключения, я не ошибаюсь? Я — адвокат. Вы сейчас как в открытом космосе.

— Как вас зовут?

— Валентин.

— Не может быть! Я — Валентина.

— Ну, вот видите, какие чудесные совпадения, — улыбнулся он. — Вот моя карточка с телефоном. Вдруг понадобится.

— В смысле, если меня опять заметут?

— Ну, мало ли. Можете сообщить, что этого не произошло, к примеру.

Он подтолкнул Валю к машине, она села, назвала адрес, поймала взгляд водителя, в котором прочитала презрение. Не отвела глаз, действительно ярко-голубых, превратила их в стальные немигающие щели. Она это умела. Упустила момент и, только когда они проехали несколько метров, оглянулась: человек с серебряными волосами был уже далеко. Она не попрощалась.

Они ползли по центру, Валя устало смотрела на бесконечное движение нескончаемых машин, напоминающее муравейник, и вяло думала о том, что сейчас будний день, люди должны вроде работать, учиться, на худой конец — сидеть в тюрьме, а они все куда-то едут. Кто их заставляет это делать, что им всем нужно, что их ждет... О том, что ждет ее, она не думала. Слишком властная и беспощадная у нее судьба: она научила ее не заглядывать даже в следующую минуту, пока та не наступила. Они остановились у старого, некогда элитного дома в одном из арбатских переулков. Водитель вопросительно на нее посмотрел: давать ли сдачу. Она отрицательно мотнула головой. Неуклюже вылезла из машины — крупная, худая, нервно сжимающая в руке вязаную шапку под беспощадным солнцем, которое слепило ее, демонстрировало всем: смотрите, она

вернулась. И они смотрели. Валя шла к подъезду с опущенной головой. Не хватало еще здороваться с соседями — как жаль, что она приехала не ночью. Ничего плохого, никого плохого, просто они все ее жизнь с детства смотрели, как кино. Она улыбнется им завтра. Если получится. Или не улыбнется: зубы посыпались в последний год. Кальция в рационе не хватало.

Она поднялась на свой этаж, позвонила в дверь. Ей долго не открывали, потом звякнула цепочка, зашкрипели крючки-засовы, на пороге появилась старая женщина, опирающаяся на массивную палку. Какое-то время она молча смотрела на Валентину, и ее сухое лицо с тонкими, по-прежнему высокомерно поджатыми губами ничего не выражало.

— Здравствуй, тетя Надя, — ровно сказала Валентина. — Можно войти?

— Тебя выпустили или ты сбежала? — неожиданно красивым и звучным голосом спросила старуха и, не дожидаясь ответа, повернулась к ней спиной.

Валя вошла в пыльную прихожую со стеллажами книг от пола до потолка, бросила на пол рюкзак и ответила уже не тете, а закрывшейся двери ее комнаты.

— Да, меня выпустили. С чистой совестью. Ты, конечно, мне рада.

Она сбросила с себя одежду прямо на пол, босыми, почти мужского размера ногами вошла в ванную, встала под душ и смывала с себя тяжелую дорогу — из

одного места, где ей было плохо, к другому, где бывало еще хуже. Как сказал мужик с серебряными волосами, «в открытом космосе». Именно так. В этой огромной квартире столько призраков, столько следов, столько сохранившихся страданий, ненависти, страха, вождений и тайн, что она здесь по-прежнему чувствует себя как на минном поле.

Валентина вышла из ванной, накинув на себя один из халатов, висевших на крючке, босиком прошла в кухню, открыла кран с холодной водой и долго пила прямо из него. Подняла мокрое лицо: на нее смотрели голубые глаза тетки. Почти такие же, как у нее, только выцвели малость.

— Ты такая же мужичка, как была, — произнесла тетя Надя. — Босиком, пьешь из-под крана. Всю жизнь тебе удивляюсь.

— Конечно, — Валя широко улыбнулась, показав разрушенные зубы. — Я сама себе удивляюсь. Как такая дубина уродилась и вымахала среди утонченных эстетов и аристократов. Ну что с этим поделаешь. Тебе вроде уже семьдесят, если не больше. Понадобится, и от меня примешь стакан воды. Тебе налью. Всех остальных ты извела.

— Да ты хамка. Поешь, если хочешь. Что есть в холодильнике. Я положила на твою кровать чистое постельное белье. Не поленись его постелить.

— Спасибо, — сказала Валя. — Слушай, а почему у меня глаза как у тебя, а не как у мамы? Странно, правда?

— Ошибка природы, — пожала плечами тетка. — Я пойду. Я в это время отдыхаю.

Валя открыла холодильник, обнаружила там яйца, огурцы и батон. Тетя всегда держала хлеб в холодильнике. Она оторвала кусок батона и ела его с огурцами. В щель кухонной занавески она видела солнечный двор, скамейки у детской площадки, соседок, которые о чем-то оживленно говорили. Разумеется, о ней. Что же делать? Как приблизить ночь, чтобы спрятаться от всего? Она вошла в свою комнату, закрыла дверь на ключ изнутри. Сбросила чистое постельное белье на грязный ковер, легла прямо на матрас, укрылась шерстяным одеялом. Сейчас ее уже знобило. Ломка. Она села и стала лихорадочно вспоминать. Обыск, понятия... Они тогда вывернули все, вытащили наркотики даже из прорехи в матрасе. Но она бы не была Валькой-зачачкой, если бы они нашли все. Валя быстро встала, взяла со стола металлическую линейку и отжала плинтус у самой двери. Есть! Она держала в руке маленький пакетик и дрожала от счастья. Опять везение. Потом день замелькал, как киноплёнка, потемнел, закончился, наступила душная и спасительная ночь. Чего только не увидела Валя во мраке пустой комнаты. Чего только не услышала. Но, как всегда, самой

яркой, прожигающей душу и мозг картинкой оставалась эта... Валя смотрит в щель двери спальни матери и отчима. Видит тонкое лицо мамы, нежный взгляд ее темных глаз, крупные обнаженные плечи мужчины, который склонился над ней... И вдруг... О боже! Эти плечи целует еще одна женщина. С точно таким же, как у мамы, лицом, только с голубыми глазами. Отчим поворачивается к ней, в его взгляде... Ох, адская страсть в его взгляде... И мука, и рабство... Они очень красивы все трое — мама Вера, ее сестра-близнец Надежда, мамин муж Александр.

Глава 2

Адвокат Валентин Петров проснулся, как всегда, рано. Первый день лета заглядывал в открытое окно хмуро и холодно. По подоконнику стучал почти осенний дождь. Утренние часы были для Валентина самыми плодотворными. Он просматривал дела своих подзащитных, читал информацию помощников и на каком-то этапе безошибочно находил слабые места следствия, тупиковые точки обвинения, заданность показаний лжесвидетелей. И ему становилось ясно, как получить информацию, необходимую для защиты, прямо во время процесса. Как одним своим вопросом что-то разрушить, невинным замечанием выудить истину, которая многое пустит под откос. Свою речь он

практически не записывал, просто набрасывал никому не понятный план по сути экспромтов. У него был дар: в нужном месте и в нужное время сказать нечто такое и так, что в зале заседаний наступала решающая тишина. В ней иногда терпели крушение серьезные, с разных сторон поддержанные и щедро проплаченные замыслы. Валентину приходилось, разумеется, иногда терпеть поражение. Приходилось защищать далеко не ангелов. Но он знал грань, за которой кончается человек и начинается отпетый подонок. Подонков он не защищал. Не любил грязную работу. Хватало обычной. А обычное дело для адвоката — это защита тех, кто хоть в чем-то беззащитен и слаб. Хоть в чем-то невинен. Даже если убил, даже если украл...

Перед тем как встать, он долго смотрел на русую женскую головку на соседней подушке. Марина. Он стал очень осторожным в отношениях с женщинами после мучительного развода с душераздирающим расставанием с сыном, которого у него жестоко отобрали, и он, известный адвокат, ничего не смог с этим поделывать. Не разрывать же ребенка на части, если его мать мстительна и почти безумна в своем желании наказать мужа-предателя. Он стал настолько осторожным, что не называл Марину в мыслях ни любовницей, ни подругой, ни любимой, ни близкой... Просто встретила вдруг как-то. Она пришла брать у него интервью от одной газеты. Милая, тоненькая, круглолицая, с

большими зеленоватыми глазами, Марина показалась ему почти девочкой. Если честно, она ему понравилась страшно с первого взгляда. Он потребовал, чтобы привезла ему визировать материал. Она привезла, и он понял: у нее что-то случилось. Оказалось, она пытается развестись с мужем-тираном. Тот развода не дает, квартиру делить не хочет, она ночует у знакомых.

— Это все можно решить в суде, — сказал Валентин.

— Нет, — решительно сказала Марина. — Мне суда не нужно. Я сниму квартиру. Просто пока немного трудно. Но никаких судов, никакой дележки. Пусть он там остается. Лишь бы это все кончилось.

Тот день для них закончился в его холостяцкой квартире, которую он купил еще до развода. Когда ночью она потянулась сладко, обнаженная и теплая, он спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь. А что?

— Это какая-то мистификация. Ты выглядишь на семнадцать.

— Ты так считаешь? — серьезно спросила она. — А сколько тебе?

— Скоро сорок. Седеть стал на втором курсе.

— Почему?

— Просто брак породы. Меня на факультете так и называли: Седой.

— Это красиво, — сказала она.

Утром она ушла и не звонила почти два месяца. Он тоже не звонил. Вчера вечером подъехал к ее редакции, дождался, пока она выйдет, сказал, что проезжал случайно. Она вроде бы обрадовалась. Но выглядела измученной. Ее проблема не рассосалась сама собой, как ей хотелось. Он привез Марину к себе и сейчас, глядя на эти легкие волосы, маленькое ухо, пухлые губы, понял, что развелся—то из—за нее. Чтобы иметь возможность поехать за ней и привезти к себе. А так тянул бы эту лямку супружеской жизни без любви и радости ради сына. Любимого сына. Получается по всей логике, что он наказан справедливо. Потому что любовь и жалость — это вне логики. И чувства к женщине победили даже идею сохранить близость к сыну. Теперь вся надежда на время. Мальчик подрастет и сам придет к нему. Валентин был в этом уверен.

Он коснулся губами ее руки, встал, принял душ, сварил себе кофе, включил компьютер, чтобы посмотреть хронику событий. Убийство в центре Москвы. Жертва семидесятилетняя женщина, известный ученый—геолог Надежда Ветлицкая. Вдова очень знаменитого в свое время поэта и художника Александра Майорова. По подозрению в совершении преступления задержана ее племянница, которая недавно вернулась из мест заключения, где отбывала срок за хранение и перепродажу наркотиков. Что такое! Мать